

На краю пульта управления в свете ламп тускло поблескивал жирный отпечаток пальца. Лу Цзинь долго смотрел на него. Он не уходил и не двигался, лишь заново вывел на экран запись с камер наблюдения.

Экран вспыхнул, и в ремонтном отсеке вновь возник Лин Хао. Он сосредоточенно возился с фильтром, его движения были быстрыми и точными, пальцы уверенно проникали в узкие разъемы. Целых три часа он не проронил ни слова, даже дыхание его было почти не слышно. Лу Цзинь прокрутил запись до конца: Лин Хао сложил инструменты, застегнул куртку, перед тем как уйти, бросил взгляд на испачканную машинным маслом ладонь, а затем сжал кулак, словно пытаясь спрятать этот след.

Этот жест заставил Лу Цзиня вздрогнуть.

Это не было хвастовством, не было желанием угодить или спровоцировать. Это было нечто иное... намеренное сокрытие?

Лу Цзинь выключил видео и выпрямился. Он вдруг осознал, что никогда прежде не видел альфу, который вел бы себя подобным образом: имея способности, молча выполнять работу, которую от него никто не ждал. Это не было попыткой подлизаться или подачкой. Это шло вразрез со всеми правилами, принятыми на базе Сломанного Клинка.

Он вышел из главного узла управления, шагая твердо и целеустремленно.

Ремонтный коридор, где располагались вентиляционные установки, был узким и низким. Металлические стены мелко вибрировали, под ногами ощущался низкий гул. Стоило Лу Цзиню свернуть за угол, как он увидел Лин Хао: тот, согнувшись, проверял стыки воздуховода, держа в руках детектор. Рукава были закатаны до локтей, обнажая крепкие предплечья.

Услышав шаги, Лин Хао поднял голову. В его взгляде на мгновение промелькнуло замешательство — он явно не ожидал увидеть здесь Лу Цзиня.

Лу Цзинь остановился в двух шагах, не приближаясь и не заговаривая. Он молча смотрел на него, вглядываясь в эти вечно смеющиеся глаза, пытаясь понять, что же на самом деле скрывается за их блеском.

В воздухе висел лишь гул работающих механизмов.

— Что-то случилось? — первым нарушил тишину Лин Хао, его голос звучал совершенно обыденно.

Лу Цзинь наконец тихо спросил:

— Какова твоя цель?

Лин Хао замер.

Он медленно выпрямился, продолжая сжимать детектор так сильно, что костяшки пальцев побелели. Он смотрел на Лу Цзиня, и привычная беспечность, свойственная его персиковым глазам, впервые исчезла. Лин Хао слегка приоткрыл рот, словно собираясь что-то сказать, кадык его дернулся.

В этот миг его выражение лица казалось на удивление искренним.

Но как раз когда Лу Цзинь решил, что сейчас услышит правду, Лин Хао внезапно рассмеялся.

Он сделал полшага вперед, сокращая дистанцию, и произнес низким, ленивым и хрипловатым голосом:

— Моя цель? Да просто мне кажется, что ты особенно забавно злишься.

Как только слова слетели с губ, он сам на мгновение замер.

Казалось, он и сам не успел осознать, что именно сказал, прежде чем фраза сорвалась с языка. Но он не стал забирать слова назад или оправдываться. Напротив, он поднял руку и кончиками пальцев едва ощутимо провел по линии подбородка Лу Цзиня с вызывающей, непристойной легкостью:

— Посмотри на себя: глаза вытаращил, грудь ходуном ходит... черт, а ведь ты красавец.

Лу Цзинь резко отпрянул, словно его обожгло.

Зрачки его сузились, пальцы сжались в кулаки, издав хруст, но тут же обмякли. Грудь действительно вздымалась, но уже не от гнева — это был звук чего-то более глубокого, что только что разбилось внутри.

Он ведь думал, что этот человек другой.

Он надеялся, что тот остался здесь искренне — не ради власти, не ради игр с чувствами, а из желания хоть чем-то помочь базе.

Но теперь всё выглядело так, будто перед ним очередной альфа, считающий редкого омегу лишь игрушкой. Он притворялся способным, чтобы приблизиться, подкупал своей безмолвной помощью, а в конце одной пошлой фразой растоптал все иллюзии.

— Делай что хочешь, — наконец произнес он, и голос его прозвучал холодно, как лед.

Улыбка на лице Лин Хао дрогнула.

— В дежурку можешь не переезжать, — Лу Цзинь развернулся к нему спиной. — Живи где хочешь, главное — не мешай работе.

Он ушел, чеканя шаг тяжелее, чем обычно, и каждый удар подошв отдавался болью в его собственном сердце.

Лампы в конце коридора мигали, освещая его прямую спину, плечи были напряжены до предела.

Лин Хао не шелохнулся.

Он стоял на месте, сжимая в руках детектор, кончики пальцев онемели от холода. Его собственная шутка эхом отдавалась в голове, становясь всё более невыносимой. Он вовсе не хотел этого говорить. Он мог бы всё объяснить — что не желает особого отношения, что не хочет, чтобы Лу Цзинь менял о нем мнение из-за одной починки. Он просто хотел тихо оставаться здесь и делать хоть что-то полезное, пусть даже это была всего лишь замена фильтра.

Но когда Лу Цзинь встал перед ним и так серьезно спросил о цели, он внезапно запаниковал.

Это ощущение чужого пристального взгляда было слишком пугающим и опасным. Казалось, стоит ему сказать хоть слово правды, как маска, которую он носил так долго, будет сорвана окончательно. Инстинкт взял верх, знакомая ложь сама сорвалась с языка прежде, чем он успел подумать.

Теперь маска была на месте, а человек ушел.

Он посмотрел на свою ладонь — пятно масла всё еще чернело на коже. Лин Хао медленно разжал пальцы, и маленькая отвертка с глухим стуком упала на пол.

Звук удара металла о бетон прозвучал отчетливо и пусто, эхом пронесся по гулким коридорам и затих.

Лу Цзинь шел через технический отсек, не замедляя шага. Проходя мимо главного пульта, он на секунду задержался, бросив взгляд на показатели данных: система очистки воды стабильна, кривая давления ровная, зеленые индикаторы светятся без перебоев.

Всё как обычно.

Словно того человека здесь никогда и не было.

Но он знал, что это не так.

Лу Цзинь провел рукой по лицу, смахивая с бровей и уголков глаз невидимое напряжение. Затем двинулся дальше — плечи по-прежнему расправлены, походка тверда, лишь левая рука машинально вцепилась в пряжку тактического пояса до побелевших костяшек.

Дверь ремонтного отсека вентиляционной системы медленно закрылась, издав сухой щелчок соприкасающегося металла.

Лин Хао всё ещё стоял на месте, прислонившись к холодной переборке, едва дыша.

Он смотрел вслед уходящему Лу Цзиню, губы его беззвучно дрогнули, но он так ничего и не сказал.

Лампа дневного света под потолком гудела, заливая всё вокруг мертвенно-бледным сиянием.

Он поднял правую руку, глядя на невытертый след масла, и медленно сжал кулак.

<http://bllate.org/book/18777/1821434>